Андрейченко В.В.
ВИТЕБСКОЕ СРАЖЕНИЕ 12 МАРТА 1196 ГОДА

История Витебска древнерусского времени получила весьма скупое отражение в источниках: в раннем летописании XI–XII вв. город упоминается лишь четырежды. В последнем из этих сообщений содержится весьма пространный рассказ о сражении, произошедшем в марте 1196 г. (о дате ниже) в окрестностях Витебска. Сражение это стало следствием противоборства между двумя сильнейшими княжескими кланами Руси – Мономашичами и Ольговичами – в их борьбе за Киевскую землю, и Витебск выступает здесь не только местом действия, но и, что более важно, предметом спора.

Наиболее краткими и малосодержательными являются сведения Новгородской первой летописи: «Тои же зиме бишася смолняне съ черниговьци, и поможе богъ църниговьцемъ, и яша князя Бориса Романовици...» [14, с. 42, 235].

В Лаврентьевской летописи сообщение о сражении под Витебском является составной частью рассказа о походе летом 1196 г. владимирского князя Всеволода Юрьевича на вятичские владения Ольговичей. Собственно, поход и был совершен в отместку за пленение в Витебском сражении Мстислава Романовича, накануне породнившегося с владимирским князем¹. Между тем, статья Лаврентьевской летописи интересна тем, что содержит уникальные сведения об участниках сражения и упоминает имя одного из представителей полоцких князей: «Тое же зимы посла Д(а)в(ы)дъ и-Смолиньска с(ы)новца своего Мстислава², свата великого князя Всеволода, в помочь зятю своему на Витепескъ. И победи его Василко с Черниговци, и Мстисла(ва), свата княжа, яша, и ведоша Чернигову» [12, стб. 412].

Самый пространный и содержательный рассказ о Витебском сражении находится в статье 6703 (1195/96) г. Ипатьевской летописи [13, стб. 690–694]. Из летописной статьи мы узнаем, что событиям под Витебском предшествовала попытка киевского князя Рюрика Ростиславича заключить новый договор («ряд») с Ольговичами, передав последним в знак примирения Витебск, о чем он сообщил заранее своему брату Давыду, княжившему в Смоленске. В заключении договора помимо киевского и черниговского князей должны были принять участие Всеволод Юрьевич владимирский и Давыд смоленский. Однако черниговский князь Ярослав Всеволодович, желая ускорить события, отправил к Витебску войско во главе со своим племянником Олегом Святославичем. По пути черниговцы стали разорять смоленские земли, что вызвало ответную реакцию Давыда Ростиславича: в помощь своему зятю (не названному по имени) к Витебску он отправил своего племянника Мстислава Романовича, князя Ростислава Владимировича (двоюродного брата Рюрика и Давыда) и рязанского княжича Глеба Владимировича, женатого на дочери смоленского князя.

Сражение произошло на заснеженном поле у леса, где разместилась черниговская рать. Увидев противника, Мстислав Романович, не дождавшись подготовки смоленского полка к бою, с собственной дружиной бросился на черниговцев. Полк Олега Святославича был смят и обращен в бегство, при этом сын Олега Давыд был изранен или даже убит³. Смоляне, возглавляемые тысяцким Михалкой, должны были атаковать полоцкий полк (как замечает летописец «бяхоуть бо Полотъский кн(я)зи помагающе Ольговичемъ» [13, стб. 691–692]), но вместо этого, не доехав до полоцкой рати, уклонились от столкновения с противником («поскочиша», как пишет летописец). В сложившейся ситуации полочане не стали бросаться на помощь Олегу Святославичу, а, совершив маневр («извернуувшеся»), ударили в тыл смоленского полка, разбили его, захватив при этом смоленские стяги.

Мстислав Романович, не догнав черниговцев и, полагая, что сражение выиграно, возвратился обратно, въехал в полоцкий полк и был взят в плен. По всей видимости, Мстислава ввели в заблуждение захваченные полочанами смоленские хоругви («стяги»), не исключено, что полочане, применив военную хитрость, использовали их в качестве приманки противника. Между

¹ Брак между старшим сыном Всеволода Большое Гнездо Константином и дочерью Мстислава Романовича был заключен 15 октября 1195 г. [15, с. 36].

² Из сравнения текстов Новгородской первой и Лаврентьевской летописей становится очевидным, что у Мстислава Романовича было крестильное имя Борис.

³ В зависимости от того, как понимать значение глагола «исекоша». О том, что Давыд Святославич погиб под Витебском пишут В.Е. Данилевич [5, с. 103-104] и Н.И. Ермолович [7, с. 247].

тем, из погони за Олегом Святославичем вернулись Ростислав Владимирович со своим полком, дружина Давыда смоленского и рязанских княжич Глеб, но, увидев, что «стыгы своя потаены от Полочан», бежали в Смоленск.

Возвратился на поле боя и счастливо избежавший столкновения со смолянами Олег Святославич. Больше всего его обрадовало пленение Мстислава Романовича, которого Олег, выпросив («испроси», а может быть, и выкупив) у друцкого князя Бориса [о нем см.: 3, с. 310, 318–319], увел в Чернигов. Воодушевленный победой, Олег Святославич призвал черниговского князя Ярослава воспользоваться ситуацией и напасть на Смоленскую землю. Ольговичи выступают в поход, но угроза киевского князя Рюрика Ростиславича двинуться к Чернигову предотвратила военное столкновение.

Историография не обошла стороной сообщение о сражении под Витебском. В общих трудах по русской истории [11, с. 407–408; 17, с. 555–556; 18, т. III, с. 160–161; 19, с. 321] и специальных исследованиях по истории Полоцкой земли [2, с. 226–227¹; 5, с. 102–104; 6, с. 110; 7, с. 245–249] событие упоминается как эпизод противостояния Мономашичей и Ольговичей. Как правило, историки ограничивались различным по полноте пересказом летописного текста, но, в то же время, высказали ряд соображений по поводу участников сражения, его датировки и результатов.

В.Е. Данилевич в своем исследовании первым датировал событие мартом 1196 г. [5, с. 103]. Историк Древнерусской хронологии Н.Г. Бережков подтвердил его выводы, указав, что статьи 6703 г. Новгородской первой и Ипатьевской летописей, в которых содержится рассказ о сражении, обозначены по мартовскому стилю [4, с. 195–196, 233], в Лаврентьевской же летописи датировка ультрамартовская [4, с. 69]. Н.Г. Бережков также назвал точную дату события – 12 марта [4, с. 343, прим. 39]. Ту же дату приводит и Л.В. Алексеев [2, с. 227].

На чем основана эта датировка? Киевский летописец, повествуя о подходе черниговского и смоленского войск к Витебску, сообщает: «И быс(ть) на другои недели пос(та) во вторникъ на обедне потрясея земля. Того же дни полци оустретошася обои» [13, стб. 691]. В той же статье 6703 г. землетрясение в Киеве упоминается чуть выше, правда его дата здесь обозначена несколько иначе: «Гое же зимы по Федорове неделе во вторникъ» [13, стб. 690]. В обоих сообщениях речь идет о вторнике, следующем после первой (Федоровой) недели поста, который приходился в 1196 г. на 12 марта [10, с. 52–55; 20, с. 60]². Вероятно, в памяти летописца дата сражения под Витебском ассоциировалась с датой природного катаклизма, который в Киеве помнили хорошо.

Возникает вопрос: почему события за март месяц оказались в конце погодной статьи 6703 г., а не в начале следующей погодной статьи, ведь преобладает мнение, что в Древней Руси год начинался 1 марта. Однако, как показывают исследования последнего времени, наряду с юлианским (необходимым, прежде всего, для нужд церкви) в быту на Руси использовался лунно-солнечный календарь. Начало нового года при этом привязывалось к полнолуниям или новолуниям, а также зависело от погодных условий, вследствие чего долгая зима и поздняя весна могли вынудить людей перенести начало нового года на один или даже два лунных месяца позже [8, с. 209–213; 9, с. 56–61, 65]. Между тем, летописец сообщает, что в день сражения черниговские полки «отопгавшеся во снегоу: бе бо снег велик» [13, стб. 691]. Не исключено, что в этом году началом нового года стал день, следующий за первым весенним полнолунием 23 марта, – средокрестье, или крестопоклонная неделя, т.е. третье воскресенье великого поста (24 марта).

Против кого же был направлен поход черниговского войска и кому помогал смоленский князь? Первым по этому поводу высказался Н.М. Карамзин. По его мнению, в Витебске в это время княжил зять Давыда смоленского Василько Брячиславич, а союзником Ольговичей выступил Василько Володаревич [11, с. 407]. Оба князя упоминаются в летописях в связи с событиями 80-х гг. XII в. Первый назван в качестве участника большого коалиционного похода 1181/82 г. во главе с черниговцами и новгородцами на Друцк, которому помогал Давыд смоленский [13, стб. 620]. В этом походе принял участие и витебский князь Брячислав Василькович, что, по всей видимости, навело Н.М. Карамзина на мысль о наследовании впоследствии Витебска сыном последнего Васильком Брячиславичем. Василько Володаревич «из Ложьска»

¹ В своем исследовании по истории Полоцкой земли Л.В. Алексеев обошел молчанием сражение под Витебском [1, с. 267–282], более того, исследователь сделал вывод, что в 1195 (надо – 1196) г. «Друцк по-прежнему находился под эгидой смолян, на стороне которых боролся с Ольговичами [1, с. 153], на что не преминул обратить внимания Н.И. Ермолович [7, с. 249].

² В.Н. Татищев записал, что киевское землетрясение произошло «по Федорове седмице во вторникъ», но датировал его в первой редакции 8 марта 1195 г. [19, с. 320], а во второй редакции 4 марта того же года [18, т. III, с. 160], что неверно ни для 1195 г. (21 февраля), ни для 1196 г.

[о нем см.: 3, с. 312–313] был союзником Давыда Ростиславича смоленского в походе на Полоцк зимой 1185/86 г. [12, стб. 403].

В.Е. Данилевич полагал, что Ольговичам помогал Василько Брячиславич, который «был лишен своего удела, так как Давид посадил в Витебске своего зятя и, понятно, стремился снова возвратить себе свою отчину» [5, с. 103].

Н.И. Ермолович, следуя ошибочному чтению Ипатьевской летописи, посчитал, что Ярослав Всеволодович черниговский послал войска не против зятя смоленского князя Давыда Ростиславича, а против собственного зятя Давыда, но не объяснил, кем был этот загадочный князь [7, с. 246]. Исследователь не обратил внимание ни на ясное сообщение Лаврентьевской летописи («...посла Давыдъ и-Смолинска... в помощь зятю своему на Витепескъ» [12, с. 412]), ни на окончание статьи 6703 г. Ипатьевской летописи. Здесь Ярослав черниговский, оправдываясь перед Рюриком Ростиславичем за нарушение «ряда», обвинял Давыда смоленского, «аже помогает зятю своему» [13, с. 693]. Союзником Ольговичей Н.И. Ермолович вслед за В.Е. Данилевичем считал Василька Брячиславича [7, с. 247].

Чтобы понять, кто был зятем Давыда Ростиславича в марте 1196 г., обратим внимание на сообщение Ипатьевской летописи под 1180 г. [13, стб. 608–609; о дате: 4, с. 200]. Весной этого года княживший в Новгороде Мстислав Ростиславич (младший брат Рюрика и Давыда) по инициативе новгородцев двинулся «на Полтеск на зятя своего на Всеслава». Старший среди Ростиславичей смоленский князь Роман воспрепятствовал движению новгородского войска, послав своего сына Мстислава¹ «Полотьску к зятю своему в помощь». Мстислав Ростиславич во избежание конфликта со старшим братом прекратил поход. Упомянутый в статье 1180 г. Всеслав – это полоцкий князь Всеслав Василькович [см.: 3, с. 305–307]. Поскольку он назван зятем и Романа, и Мстислава Ростиславичей, то мог быть только шурином (т.е. мужем сестры) смоленских князей.

Всеслав Василькович занял полоцкий стол в 1161 г. в силу чрезвычайных обстоятельств: княживший здесь ранее Рогволод Борисович потерпел сокрушительное поражение от менских князей и бежал в собственный Друцк [13, стб. 519]. Но положение нового полоцкого князя было непрочным в связи с тем, что он был представителем самой младшей линии полоцких Изяславичей. Менские Глебовичи имели больше прав на Полоцк. Всеславу необходим был сильный покровитель, и он находит такового в лице киевского князя Ростислава Мстиславича (родоначальника смоленских князей), женившись на дочери последнего. Платой за поддержку и покровительство со стороны Ростислава и стала, по нашему мнению, передача Всеславом отчинного Витебска в распоряжение киевского князя. В 1164/65 г. в Витебске садится сын Ростислава Давыд [13, стб. 525]. Этим же годом (или чуть ранее), полагаем, следует датировать и брак Всеслава и Ростиславны.

Два года спустя Давыд Ростиславич по-прежнему сидит в Витебске: в 1166 г. к нему бежит изгнанный из Полоцка Володарем Глебовичем Всеслав Василькович и, получив поддержку, снова возвращает себе Полоцк [13, стб. 526–527].

В начале 1175 г. Всеслав назван витебским князем [12, стб. 374; 13, стб. 598; о дате: 4, с. 79]. Возможно, возврату Витебска способствовал новый киевский князь Святослав Всеволодович (из династии Ольговичей), которому Всеслав приходился шурином [см.: 3, с. 307–308].

В 1181/82 г. Всеслав Василькович все еще владеет Полоцком и выступает в составе большой коалиции князей, посланных Святославом Всеволодовичем на Друцк. Как уже было сказано выше, вместе с Всеславом в походе на Глеба Рогволодовича друцкого, которому помогал смоленский князь Давыд Ростиславич, принял участие витебский князь Брячислав Василькович с сыном Васильком [13, стб. 620]. Ответной мерой смоленского князя следует считать поход на Полоцк зимой 1185/86 г. Исход дела тогда решился мирно: полочане встретили войско Давыда «на сумежье» и откупились «многими дарами» (участие полоцкого князя в этом событии летописец не отметил) [12, стб. 403–404].

Полагаем, что в начале 1196 г. Всеслав Василькович по-прежнему княжил в Полоцке и владел Витебском. Против него и выступили черниговские Ольговичи, поддержанные претендующим на Витебск племянником Всеслава Васильком Брячиславичем. На помощь со стороны Чернигова могли повлиять и родственные связи: Василько и Олег Святославич были двоюродными братьями.

О политическом статусе Витебска во второй половине XII в. можно говорить весьма предположительно. Весьма любопытны слова Рюрика Ростиславича в послании к Ярославу черни-

¹ Того самого Мстислава Романовича, который в марте 1196 г. возглавил смоленское войско и был пленен полочанами.

говскому: «Язь Витебска стоупилъ тебе...» [13, стб. 693]. Они свидетельствуют, что Витебск не стал в 1160-е гг. составной частью Смоленской земли, а непосредственно подчинился власти киевского князя.

Поддержка Ольговичей, оказанная Васильке Брячиславичу, позволила последнему в марте 1196 г. вернуть себе Витебск. Последний раз он упоминается летописью под 1208 годом, когда овдовевший Всеволод Большое Гнездо вторично женился, «поя за ся Василковну, князя Витебскаго дщерь» [16, с. 108].

1. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв.: (Очерки истории Северной Белоруссии) / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
2. Алексеев, Л.В. Смоленская земля в IX–XIII вв.: Очерки истории Смоленщины и Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1980. – 261 с.
3. Андрейченко, В.В. Полоцкие князья в XII – начале XIII вв. (проблемы истории и генеалогии) / В.В. Андрейченко // Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф., прысвечанай 90-годдзю з дня нараджэння Л.В. Аляксеева, Віцебск, 28–29 кастр. 2010 г. – Мінск: Мелісонг, 2012. – С. 299–323.
4. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 376 с.
5. Данилевич, В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV столетия / В.Е. Данилевич. – Киев, 1896. – XIII, 260 с.
6. Довнар-Запольский, М.В. Очерк истории кривичской и дреговичской земель до начала XIII столетия / М.В. Довнар-Запольский. – Киев, 1891. – 170 с.
7. Ермаловіч, М.І. Старажытная Беларусь. Полацкі і навагародскі перыяды / М.І. Ермаловіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1990. – 366 с.
8. Журавель, А. Лунно-солнечный календарь на Руси: Новый подход к изучению / А. Журавель // Астрономия древних обществ. – М.: Наука, 2002. – С. 209–214.
9. Журавель, А.В. Месяцы «книжные» и «небесные»: их соотношение на страницах летописей / А.В. Журавель // Историко-астрономические исследования. – М.: Наука, 2005. – Вып. XXX. – С. 56–75.
10. Каменцева, Е.И. Хронология: учеб. пособие для студентов вузов / Е.И. Каменцева. – М.: Высшая школа, 1982. – 187 с.
11. Карамзин, Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т. II–III / под ред. А.Н. Сахарова / Н.М. Карамзин. – М.: Наука, 1991. – 832 с.
12. Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
13. Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 648 с.
14. Полное собрание русских летописей. Том III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Языки русской культуры, 2000. – V–XII, 720 с.
15. Полное собрание русских летописей. Том XVIII. Симеоновская летопись. – М.: Знак, 2007. – 328 с.
16. Полное собрание русских летописей. Том 25. Московский летописный свод конца XV века. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 464 с.
17. Соловьев, С.М. Сочинения: В восемнадцати книгах. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2 / С.М. Соловьев. – М.: Мысль, 1988. – 798 с.
18. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах). Тома II и III. История Российская. Часть 2 / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1994. – 688 с.
19. Татищев, В.Н. Собрание сочинений: В 8-ми томах (5-ти книгах). Том IV. История Российская. Часть 2 / В.Н. Татищев. – М.: Ладомир, 1995. – 556 с.
20. Черепнин, Л.В. Русская хронология. Учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам / Л.В. Черепнин. – М.: Трансжелдориздат НКПС, 1944. – 94 с.

Галямичев А.Н. ЧЕШСКИЙ ГОРОД ЛИТОМЕРЖИЦЕ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ СУДЬБЫ В СРЕДНИЕ ВЕКА

Обращение к истории отдельных городов таит в себе немалые возможности для урбанистики, поскольку в судьбе каждого из них своеобразно преломлялись общие закономерности городского развития. Нередко, в особенности – в средние века, бывало так, что город, находившийся на стряжне течения исторического развития в какое-то время, затем уступал место другим, оказываясь в «тихой заводи», на третьестепенных ролях.

Подобного рода судьбу имеет город Литомержице, в настоящее время – небольшой городок с населением около 25 тыс. человек в округе на северо-западе Чешской Республики. Литомержице привлекает сегодня мощный поток туристов, поскольку, оставшись в стороне от главных направлений индустриализации и сопровождавших её градостроительных преобразований в XIX в., сохранил своё историческое ядро почти в первозданном виде. Само же по себе оно представляет огромный интерес, поскольку формировалось в то время, когда город принадлежал к числу крупнейших городов страны, уступая во многих отношениях лишь Праге.

Литомержице принадлежит к числу древнейших городов Чехии, корни которого восходят к догосударственному периоду. По остающейся до наших дней наиболее распространённой вер-